

Беседа преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, какъ историческій источникъ ¹⁾.

Беседа преп. Сергія и Германа представляетъ собой одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ публицистическаго творчества XVI в. По содержанию своему памятникъ ознакомля-

¹⁾ Пробная лекція приватъ-доцента Новороссійскаго Университета С. Л. Авалиани. Источники и пособія: 1) Лѣтопись занятій Археогр. Комиссін т. X 1—XXIII+35 „Беседа преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, 2) Слово кратко въ защиту монастырскихъ имуществъ, Чт. въ М. О. И. и Др. Р. 1902 г. кн. 2 р. 1—XXX+68, 3) Бодяискій—Чт. М. О. И. др. 1859 г. № 3, 4) Хрущовъ—Исслѣд. о сочиненіяхъ Іосифа Санина 5) Хрущевъ—Древняя и Новая Россія 1875 г., № 3 6) Отчетъ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова, 7) Икоиниковъ—Максимъ Грекъ, 8) Икоиниковъ—Русскіе общественные дѣятели XVI в. 9) Павловъ—Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, 10) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г. г. III—Полемическія сочиненія кн. Вассіана, 11) Жмакинъ—Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія, 12) Голубинскій—Исторія русской церкви т. 2. 1 пол., 13) Отчетъ о 25 присужденіи наградъ гр. Уварова 14) Ключевскій—Боярская дума изд. III, 15) Стратоновъ—Замѣтки по исторіи зем. сборовъ. Уч. Зап. Казанскаго Университета 1906 № 3; 16) Соловьевъ—Исторія Россіи т. I, II, Костромаровъ—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей т. I, 17) Богословскій Вѣстникъ—іюль—августъ 1907 г. Кузнецовъ—Къ вопросу о церковномъ имуществѣ и отношеніе государства къ церковнымъ имѣніямъ въ Россіи; 18) Преніе Митр. Даниила съ М. Грекомъ и Вассіаномъ, Чт. М. О. и Др. 1847 г. № 7, 9. 19) Богословскій Вѣстникъ—іюль—августъ 1907 г. Гречевъ—Заволжскіе старцы въ литературномъ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ русской церковно-общественной жизни XV и XVI в. 20) Ключевскій—курсъ русской исторіи ч. II, 21) Павловъ—О Кормчей инока—князя Вассіана Патрикѣева Уч. Зап. Каз. Ун. 1864 г. в. 2. 22) О спискахъ Кормчей Вассіана—Востоковъ—Описаніе румянцевскаго музея стр. 312, 23) Макарія—Исторія русской церкви т. XIII 24) Шляпкинъ—Памятники древней письменности, в. IV т.

еть насъ съ той страстной полемикой, которая разгорѣлась около вопроса о допустимости вотчиннаго землевладѣнія монастырей. Памятникъ написанъ съ огнемъ; очевидно, авторъ слишкомъ живо относился къ трактуемому вопросу и слишкомъ близко къ сердцу принималъ исходъ борьбы.

Вниманіе изслѣдователей давно уже привлекаетъ „Бесѣда“; но среди изслѣдователей, и довольно многочисленныхъ, памятникъ вызвалъ разногласія. Споръ касается двухъ весьма важныхъ и существенныхъ вопросовъ, вопроса объ авторѣ, и—времени написанія памятника; разрѣшеніе этихъ вопросовъ, имѣетъ первостепенное значеніе, ибо ихъ разрѣшеніе, съ одной стороны, выяснитъ цѣнность памятника и его отношеніе къ живой современности, а съ другой—дастъ возможность правильной оцѣнки общественнаго умонастроенія въ эпоху борьбы „нестяжателей“ съ „осифлянами“.

Мы не будемъ касаться литературной исторіи вопроса; она представлена и очень подробно послѣдними издателями памятника гг. Дружининымъ и Дьяконовымъ. Мы лишь отмѣтимъ важнѣйшіе спорные пункты. Одни изслѣдователи считаютъ авторомъ „Бесѣды“ инока кн. Вассіана Патрикѣева Косого (Бодянской, Иконниковъ, Невоструевъ, Хрущевъ, Жмакинъ). Противниками этого мнѣнія выступили проф. Павловъ, Ключевскій, Голубинскій, Дьяконовъ, Дружининъ (издатели). По мнѣнію проф. Павлова, авторъ „Бесѣды“—новгородскій книжникъ, обиженный московскими неправдами. Проф. Ключевской не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ и указывая, что „Бесѣда“ вышла изъ круговъ оппозиціонно, по отношенію къ московскому царю, настроеннаго боярства, отнесъ „Бесѣду“ ко времени послѣ 1550 г. т. е. послѣ перваго земскаго собора; издатели памятника гг. Дружининъ и Дьяконовъ, отрицая авторство кн. Вассіана, относятъ „Бесѣду“ ко времени послѣ 1553—1554 г. Наиболѣе серьезные доводы представилъ проф. Павловъ, къ которымъ позднѣйшіе изслѣдователи прибавили очень мало существеннаго. Возраженія проф. Павлова слѣдующія: 1) языкъ „Бесѣды“ и выраженія противоположенъ тѣмъ, которыя встрѣчаются въ подлинныхъ сочиненіяхъ кн. Вассіана, (мнѣніе принятое издателями гг. Дружининымъ и Дьяконовымъ), 2) въ содержаніи признаки позднѣйшаго времени: указаніе на тѣ же недостатки, на которые, указываетъ Стоглавъ, ношеніе шлы-

ковъ, стриженіе бороды и усовъ, безчинное пѣвнѣе (опровергнуто гг. Дружининимъ и Дьяконовымъ, которые указали на обличеніе тѣхъ недостатковъ еще въ XV в.) 3, русскіе государи постоянно называются царями не только въ литературномъ стилѣ, но и въ официальной челобитной (опровергнуто г. Стратоновымъ, указавшимъ, что въ „Бесѣдѣ“ никакой официальной челобитной нѣтъ), 4) общая точка зрѣнія и отдѣльныя мысли соотвѣтствуютъ опалѣ и эпохѣ казней т. е. второй половинѣ царствованія Грознаго, 5) инокъ Вассіанъ писалъ отъ своего имени и писалъ довольно логическимъ и правильнымъ языкомъ, „Бесѣда“ писана безпорядочно, „простою неученою рѣчью“ 6) Вассіанъ открыто писалъ о подобныхъ вещахъ, онъ не могъ прибѣгать къ анонимной формѣ письма, ибо имя инока Вассіана было достаточно авторитетно. Новые издатели приняли главныя положенія проф. Павлова, присовокупивъ нѣсколько своихъ: 1) авторъ „Бесѣды“ нигдѣ не проговаривается ни о казни еретиковъ, ни о вдовыхъ священникахъ, что составляло, помимо монастырскаго владѣнія, главныя темы писаній Вассіана, 2) авторъ „Бесѣды“ за нестроеніе иноческой жизни упрекаетъ больше царей, чѣмъ иноковъ и это выпуклая особенность памятника, 3) у автора „Бесѣды“ кромѣ выписокъ изъ Евангелія, одна ссылка на Св. Писаніе, тогда какъ у Вассіана выписокъ и ссылокъ очень много, слѣд. авторъ мірянинъ, а не духовное лицо, 4) гордый Вассіанъ никогда не сказалъ бы о своемъ произведеніи, что оно написано, „простою и неученою рѣчью“. Опираясь на указаніе памятника о путешествіи арх. Новгородскаго Іоанна на бѣсѣ, гг. Дружининъ и Дьяконовъ заключили, что „Бесѣда“ писана послѣ 1553—54 г. Послѣдній по времени изучившій этотъ памятникъ г. Стратоновъ высказалъ нѣсколько новыхъ, не лишенныхъ интереса, замѣчаній. Г. Стратоновъ вполне правильно оспариваетъ мнѣніе гг. Дьяконова и Дружинина, что разсказъ о путешествіи арх. Іоанна на бѣсѣ впервые вошелъ въ житіе архіепископа во время изданія Четьи-Минеи. Г. Стратоновъ отмѣтилъ, что житіе Арх. Іоанна было написано въ XV в. 2) письменность, усвоила его перу Пахомія Лаговета, 3) содержаніе житія почерпнуто изъ круга мѣстныхъ сказаній и 4) имя этого св. соединялось съ избавленіемъ нѣкогда Новгорода отъ Суздальцевъ, поэтому въ

моментъ борьбы Новгорода съ Москвою оживились сказанія объ архіепископѣ, Новгородцы приписывали наказаніе Арх. Сергія, ѣздившаго на бѣсѣ, Іоанну, житіе же заставляеть думать, что оно было составлено, когда присоединеніе Новгорода уже было рѣшено. По мнѣнію г. Стратонова, житіе арх. Іоанна было составлено раньше второй половины XVI в. и вошло въ Четы-Минеи. Воодушевленіе, съ какимъ написана „Бесѣда“ ясно говоритъ, что она написана близко ко времени спора о нестяжательствѣ, именно въ правленіе Іоанна III, а не Іоанна IV, когда вопросъ потерялъ свою остроту. Отсутствіе доказательствъ, взятыхъ изъ книгъ Св. Писанія „заставляетъ искать большей причины, чѣмъ то, что авторъ памятника былъ человѣкъ свѣтскій“, а именно Вассіанъ молчалъ на соборѣ 1503 г., не имѣя почвы подъ собой, между тѣмъ болѣе простой человѣкъ рѣшился бы писать въ защиту своихъ взглядовъ безъ всякихъ доказательствъ отъ писаній, слѣд. нестяжатели не успѣли подыскать нужныхъ мѣстъ изъ св. писанія. Такъ какъ въ „Бесѣдѣ“ имѣется неясное указаніе на время, когда не всѣ удѣлы пали и такъ какъ авторъ совѣтуетъ расширить царство, то не подавалъ ли такой совѣтъ Новгородецъ, видя, что Псковъ пользуется относительной свободой? Псковъ палъ 1510 г., а такъ какъ „Бесѣда“ и по содержанію и по тону близка ко времени собора 1503 г. то слѣдуетъ предполагать, что „Бесѣда“ появилась между 1503—1510 г., вѣроятно, послѣ собора, осудившаго ересь жидовствующихъ. Авторъ нашель „Бесѣду“ за преніями Гр. Амастритскаго съ жидами; такимъ расположеніемъ памятниковъ не хотѣлъ ли авторъ установить хронологическую между ними близость, спрашиваетъ г. Стратоновъ? Такова сложная литературная исторія изучаемаго нами памятника. Наша задача въ данной статьѣ—пересмотръ вопроса и попытка установленія опредѣленнаго взгляда на памятникъ. Между прочимъ, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе на нѣкоторыя данныя, ускользнувшія отъ вниманія предшествующихъ изслѣдователей.

Затрудненіе въ изслѣдованіи памятника заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ старался скрыть свое имя: въ произведеніи трудно ухватиться за объективныя данныя, пользуясь которыми можно было бы прійти къ точнымъ заключеніямъ. Вопросъ о вотчинномъ владѣніи монастырей,

какъ извѣстно, раздѣлили представителей передовой части московскаго общества XVI в. на сторонниковъ и противниковъ; страстная литературная полемика ознаменовалась выступленіемъ вѣдущихся людей, которые вступили въ борьбу во всеоружіе знанія. Авторъ „бесѣды“ не былъ безучастенъ къ спору, онъ слишкомъ ревниво относился къ вопросу; авторъ со страстью и негодованіемъ пишетъ противъ вотчиннаго землевладѣнія монастырей, а попутно старается выяснитъ и отмѣтитъ всѣ уклоненія отъ естественнаго хода и распорядка общественно-политической жизни и отношеній. Воодушевленіе и та широкая освѣдомленность, съ какою писанъ памятникъ дѣлаетъ его цѣннымъ историческимъ источникомъ.

Вопросъ о допустимости вотчиннаго владѣнія монастырей не остался въ кругу заинтересованныхъ лицъ; противники рѣшили сдѣлать его предметомъ общественнаго вниманія и обсуждения, и дѣйствительно, нашъ памятникъ ясно указываетъ, что вопросъ о вотчинномъ владѣніи монастырей сталъ предметомъ общественнаго интереса. Ко времени близкому къ собору 1503 г. относятся, „Слово кратко“ 1505 г. въ защиту монастырскихъ имуществъ, составленное по порученію новгородско-псковскаго арх. Геннадія. Авторъ „Слова“ знакомый съ латинской Вульгатой, съ западными учителями и западной исторіей, представилъ тяжеловѣстный научный трактатъ документально-аргументированный, въ защиту волнующаго стяжателей вопроса. Авторъ „бесѣды“ разсчитываетъ больше на общественное мнѣніе: онъ подчеркиваетъ неблагоприятное значеніе для крестьянскаго населенія господства вотчиннаго монастырскаго владѣнія,—послѣднее онъ считаетъ источникомъ государственнаго настроенія и безпорядка—и въ заключеніи авторъ старается задѣть самыя чувствительныя струны читателя, угрожая карой Божіей за допущеніе грѣха. Обиліе списковъ, редакцій и вариантовъ „Слова“ и „Бесѣды“,—второго больше,—съ несомнѣнностью говорить о томъ, что произведенія эти нашли читателя. Слѣды современности даютъ возможность съ вѣроятностью опредѣлитъ какъ личность автора, такъ и время написанія „бесѣды“.

Проф. Павловъ, Дружининъ и Дьяконовъ, отрицая принадлежалъ „Бесѣды“ Вассіану, между прочимъ указывали на частыя повторенія и безсвязность изложенія „простою

неученою рѣчью“. Между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается: хотя авторъ и очень часто повторяется, т. е. вѣрнѣе повторяетъ мысль о недопустимости землевладѣнія монастырей, но это кажущееся повтореніе у него вполнѣ умышленное, въ повтореніяхъ онъ какъ бы резюмируетъ свою мысль; выставляя положеніе о гибели иноческаго благочестія, о притѣсненіи массы крестьянской, авторъ связываетъ ихъ съ кардинальнымъ вопросомъ и приходитъ къ мысли о недопустимости монастырскаго землевладѣнія; а частое повтореніе для автора является педагогическимъ приѣмомъ внѣдрить въ общественное сознаніе задѣлаемые имъ тезисы. На самомъ же дѣлѣ въ памятникѣ мы имѣемъ строго проведенную идею: невозможность согласованія монастырскаго вотчиннаго землевладѣнія съ идеей монастырскаго благочестія и общей идеей государственнаго и общественнаго блага. Прослѣдимъ ходъ мыслей автора. Авторъ—убѣжденный сторонникъ богоустановленности власти, слѣд. необходимо молиться и радѣть „благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ“, „аки сами за себя“, за ихъ достоинство жизнью помирать и главы покладати, аки за православную вѣру свою“, ибо „Богомъ вся превыше есть предана помазаннику Богомъ избранному князю“, князьямъ „свыше всѣхъ дана есть Богомъ царю власть надо всѣми, и за весь міръ царство ихъ, въ ономъ вѣцѣ, праведный и страшный царь небесный Христосъ Богъ нашъ по нихъ всего много испытаетъ и ко отвѣту за всѣхъ поставитъ, также и по нихъ воздастъ общій судъ міру всему, комуждо по дѣломъ“. Въ приведенныхъ положеніяхъ мы имѣемъ вполнѣ правильную передачу литературной теоріи о характерѣ свѣтской власти (см. Дьяконовъ — Власть московскихъ государей), слѣд. авторъ памятника — не новичекъ въ литературѣ, онъ книжникъ, знакомый съ литературой. Подъ опекой князя находится все государство, между прочимъ и иноческое сословіе, къ судьбѣ котораго власть свѣтская не можетъ относиться равнодушно; у иноковъ свои специфическія труды и обязанности. Они удалились отъ мірскихъ соблазновъ, чтобы отдаться служенію Богу, ихъ обязанность заставляеть „примати годовая урочная милостыня“, „особнѣе отъ мірянъ промышленные улусы, чѣмъ бы имъ сытымъ быти самѣмъ своими праведными трудами“,

ибо „и прочіи. святіи собирали, что ясти, а не на вѣкъ запасали“, слѣд. должны питаться, „своею потною и прямою силою“, но не „царскимъ жалованіемъ и не *христіанскими слезами*“, въ противномъ случаѣ они, „накупаются на мірскія слезы“, и они уже „не богомольцы, а *иконоборцы*“. Если вопреки этому инокамъ жалуютъ „волости и вотчины со христіаны, то это „царское ко инокомъ не *милосердство, но душевредство и безконечная погибель*“, Раньше уходили въ монастырь „изъ великихъ животовъ на душевное спасеніе“, теперь „изволятъ быти мнози во иноцѣ и сряжаются въ образъ той, яко женихи на женитву... для ради высокоумныя славы ихъ и величества“. Владѣя вотчинами, монастыри не ограничиваются собираніемъ „монастырскіе казны“, „да еще крадемъ и всяко себѣ въ собину собираемъ“. Монастырское землевладѣніе—источникъ крупнаго соціальнаго зла: оно разрушаетъ „единомысленную любовь ко всѣмъ равну“ (мысль часто повторяемая въ полемич. произведеніи кн. Вассіана), монахи потеряли „образъ смиренномудрія“, берутъ „помятки“ и „посулы“, „пристава“ ихъ ѣдятъ „по христіаномъ“, „собираютъ себѣ всякіе царскіе доходы“, внимаютъ „лѣстивымъ рѣчамъ“, ополчаются со „свирѣпствомъ и яростію на христіанскія слезы“, обижаютъ „трудниковъ мирянь“, въ результатъ всего этого сооружаютъ „каменныя ограды съ полаты“ и „зависти ради“, лишая „бѣльцовъ отъ брашна своего лучшаго“ (мысль часто повторяемая въ полемическихъ сочиненіяхъ кн. Вассіана); и иноки, которые должны „и трудниковъ и бѣльцовъ и прочихъ православныхъ всѣхъ любить единогласно и ихъ питати съ одного“, вмѣсто этого, отступивъ отъ прямыхъ обязанностей, предаются пьянству и распутству, мнятъ себя „разумнѣе всѣхъ чловѣкъ и въ мірѣ и разума не скажутъ и не чають въ бѣльцахъ такова разума, каковое въ себѣ мняще“. Кто же повиненъ въ распространеніи такого зла? „*Малосмысленіи цари Христу противницы*“, которые жалуютъ инокамъ „свои царскіе вотчины, грады и села и волости со христіаны“. Это непочтительное и дерзкое выраженіе выдаетъ обиженнаго современника, близко стоящаго ко князю. Они же, не ограничиваясь однимъ, порождаютъ другое зло, цари совѣщаются съ иноками, допускаютъ ихъ къ себѣ, между тѣмъ Господь не „съ иноки повелѣлъ царство и грады и волости держати

и власти имѣти, съ князи и съ боляры и съ прочими міряны“, „царю достоитъ не проставати, съ совѣтники совѣщевати о всякомъ дѣлѣ, а св. божественными книгами сверхъ всѣхъ совѣтовъ внимати“. Царь и вел. кн. долженъ „изъ міру всякіе доходы собирать и всякія дѣла дѣлати милосердно, съ князи и съ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки“, всякіе доходы собирать и дѣла дѣлать нужно „милосердно, а не по наносу“. Царямъ вручены міръ и царство, о которомъ они должны заботитися „для того цареви пишутся самодержцы. А которые пишутся самодержцы таковымъ царямъ не достоитъ ся писати самодержцамъ ни въ чемъ, понеже съ пособники Богомъ данное царство и міръ воздержати, а не собою, ниже съ своими пріятели съ князи и съ боляры, но не съ погребенными владѣть, съ мертвецы владѣть таковой царь“. Нельзя не усмотрѣть въ приведенныхъ мысляхъ горькаго сожалѣнія о томъ, что вел. князь не совѣтуется съ болярами и прочими мірянами, такой совѣтъ рекомендуется, какъ условіе необходимое, авторъ взываетъ къ справедливости и милосердію, совѣтуеть не считается съ „наносами“, несомнѣнное указаніе современника на факты, которые не были чуждыми для него, очевидно это мірянинъ, бояринъ, который обиженъ несправедливостію московскаго царя, онъ недоволенъ, что и позволяетъ ему быть не совсѣмъ почтительнаго мнѣнія о царѣ.

Всѣ свои дѣянія и поступки монахи стараются оправдать, подкрѣпить авторитетомъ св. Писанія; между тѣмъ того „не вѣдаютъ и не внимають, что мнози книжници во иноцѣхъ по дьявольскому пакосному умышленію изъ св. божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преп. и св. отецъ писаніе и на то же мѣсто въ тѣхъ книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ, носятъ на соборы во свидѣтельство будто ся подлинное св. отецъ писаніе“ и „мнози иноци, аще бы не выписывали и выкрадывали изъ книгъ подлиннаго св. о. писаніе и не приписывали бы въ нихъ о пищахъ и о всемъ полезнаго себѣ, да не простовали бы цари и вел. кн. и люди вси; извѣстно бы имъ было подлинно о всемъ писаніи св. преп. отецъ“. Слѣд. ссылки на авторитетъ св. писанія и житіи св., въ доказательство допустимости монастырскаго землевладѣнія, въ основѣ своей имѣють тенденціозное фальсифицированіе источ-

никовъ, чего не знаетъ никто, кромѣ самихъ фальсификаторовъ. Кто могъ сказать подобное и кто рѣшился въ эпоху борьбы по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи выступить съ попыткой очищенія фальсифицированныхъ источниковъ, тотъ очевидно, былъ человекъ свѣдущій въ литературѣ, знакомый съ тѣми произведеніями, на которыя опирались противники; очевидно, это былъ человекъ, умѣвшій разбираться въ литературныхъ источникахъ, это не „простой“ не „научный“ человекъ. Свое обвиненіе авторъ заканчиваетъ словами: „много есть, а больши умножится въ мірѣ и при царѣхъ *мудрыхъ грамотиковъ*, а больше того *отъ книгъ сказителей*, а мало будетъ въ нихъ въ помощи съ міромъ царю св. Божеств. книгами“.

Т. о. изъ разсмотрѣнія содержанія памятника можно вывести несомнѣнныя черты современности: авторъ подчеркиваетъ, что 1) въ монастыри поступаютъ „ради высокоумства славы“, 2) „малосмысленніи цари, Христу противницы“, причина зла, 3) князь и царь долженъ непрестанно совѣтоваться съ боярами и „прочими міряни“, 4) доходы должны быть собираемы „съ пощадою“, 5) управлять слѣдуетъ милосердно, а не по „наносу“, 6) монахи фальсифицируютъ книги св. Писанія и отеческую литературу въ своихъ интересахъ 7) и съ ними являются на „соборы“. Это—обширное обличительное произведеніе, въ которомъ проглядываетъ сочувственное отношеніе къ мірянамъ „трудникамъ“ и „бѣльцамъ“. Никакого сомнѣнія, что авторъ—мірянинъ, вышедшій изъ боярской среды, который уязвленъ политикой князя, которому нужно напоминать, что дѣла дѣлать слѣдуетъ съ боярами милосердно, а не по наносу, это человекъ, который близко стоялъ къ полемикѣ по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, который знаетъ, что происходило на соборахъ, куда іосифляне являлись съ доказательствами въ пользу своихъ интересовъ, и это даетъ автору право обвинить ихъ во лжи, очевидно, такое обвиненіе могло быть брошено лицомъ, которое располагало какими либо данными, хотя бы проблематичными, которое выступало официально съ обвинительнымъ актомъ и раньше.

Въ управленіи Іоанна III бояре были недовольны тѣми порядками придворнаго церемоніала, который установился со временъ Софіи Палеологъ; но Іоаннъ III, „встрѣчу“ все

же любилъ. Василій III правилъ самовластно и боярскіе круги не скрывали своего крайняго неудовольствія, устраненные отъ своего прирожденнаго права быть совѣтниками князя. Въ интимныхъ кругахъ боярскихъ мы слышимъ рѣзкое осужденіе поведенія вел. кн. Въ кругу Вассіана Патрикѣева, М. Грека, это неудовольство находило выходъ, такъ въ бесѣдѣ съ М. Грекомъ Берсенъ зло сѣтуетъ о „несовѣтнѣ“ и „высокоуміи“ вел. князя. А на судѣ М. Греку было прямо предъявлено обвиненіе, что онъ вел. кн. называлъ: „гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ и прежніе гонители и мучители нечестивые бывали“.

Далѣе, изъ исторіи собора 1503 г. мы имѣемъ факты, которые совпадаютъ съ данными „бесѣды“. Соборъ 1503 г. по вопросу о допустимости монастырскаго землевладѣнія высказался положительно и возсталъ противъ ограниченія этого права, при чемъ свое мнѣніе соборъ мотивировалъ ссылкой на св. Писаніе, 47 г. Бытія, житіе равноапостольнаго князя Владиміра, кормчія книги, житія св.. Отвѣтъ собора былъ представленъ Іоанну III. Въ боярскихъ кругахъ въ это время въ числѣ опальныхъ находился Василій Ивановичъ Патрикѣевъ Косой, представитель видной литовской знати. Василій Ивановичъ Патрикѣевъ принялъ участіе въ семейномъ спорѣ Ивана Васильевича, и заявилъ себя сторонникомъ внука, но Иванъ Васильевичъ вскорѣ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, измѣнилъ рѣшеніе, объявивъ наслѣдникомъ сына: тогда Иванъ III опалился на всѣхъ сторонниковъ внука и въ числѣ пострадавшихъ оказался родовитый бояринъ В. Патрикѣевъ, который былъ постриженъ и отправленъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; отсюда онъ перешелъ въ скитъ къ Нилу Сорскому и не замедлил примкнуть къ „заволжскимъ старцамъ“. Родовитый бояринъ противъ воли сталъ монахомъ, попалъ въ новую сферу отношеній. В. Патрикѣевъ сталъ на сторону нестяжателей, при чемъ несомнѣнно, имъ руководила опредѣленная мысль. Привилегированное монастырское землевладѣніе, конечно, шло въ разрѣзъ съ землевладѣльческими интересами бояръ и бояринъ Патрикѣевъ не замедлил объявить себя противникомъ вотчиннаго землевладѣнія монастырей. Съ новымъ княженіемъ положеніе инокъ Вассіана, измѣнилось: Василій III приблизилъ къ себѣ ин. Вассіана; трудно отвѣтить, чѣмъ руководствовался вел. кн. Проф. Го-

лубинскій полагаетъ, что это былъ расчетъ, такъ какъ и самъ кн. былъ противникомъ монастыр. землевладѣнія и ин. Вассіанъ былъ извѣстенъ за такового; приближая послѣдняго, вел. кн. какъ бы хотѣлъ имъ обороняться отъ „іосифлянъ“ и держать ихъ въ страхѣ. Инокъ Вассіанъ, въ качествѣ чело-вѣка близкаго ко двору Василия III, старался играть роль совѣтника и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что иннокъ Вассіанъ старался вліять на вел. кн. въ духѣ своихъ убѣжденій. Одновременно иннокъ Вассіанъ ведетъ литератур-ную пропаганду своихъ идей, и на соборѣ, судившемъ Вас-сіана, было выставлено обвиненіе, что онъ старался „научить“ вел. кн. и „вся благородныя чело-вѣки иже у монастырей и мирскихъ церквей сель отымати“. Мы не можемъ не со-гласиться съ доводами изслѣдователей относительно молча-нія кн. Вассіана на соборѣ 1503 г.; бояринъ, попавшій въ опалу, естественно, былъ далекъ отъ литературы св. Писанія и житій, въ моментъ собора, едва ли онъ могъ выступить съ серьезными аргументами. Но завязавшаяся литературная полемика вовлекла и инока Вассіана въ споръ и, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, онъ долженъ былъ владѣть оружіемъ слова и аргументаціи, чтобы защищаться отъ противни-ковъ. Втянувшись въ полемику съ „іосифлянами“, иннокъ Вассіанъ обратилъ вниманіе на кормчую книгу, къ которой прибѣгали стяжатели для защиты своихъ взглядовъ. Про-смотрѣвъ эту книгу, кн. Вассіанъ предрѣшилъ вопросъ, что каноническія правила, допускающія монастырское землевла-дѣніе, подложны; а придя къ такому рѣшенію, кн. Вассіанъ рѣшилъ возстановить подлинную кормчую и съ этой цѣлью составилъ свою редакцію Кормчей. Кормчая Вассіана была окончена въ 1517 г. Эта новая редакція кормчей была по-ставлена въ особую вину кн. Вассіану на судѣ 1531 г. Въ борьбѣ по поводу монастырскаго землевладѣнія стяжатели одержали побѣду и первой жертвой побѣдной были М. Грекъ, осужденный на соборѣ 1525 г. и подвергшійся заключенію въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь до 1531 г. когда онъ вновь фигурировалъ на судѣ 1531 г. надъ Вассіаномъ. Правда, М. Грекъ, какъ и кн. Вассіанъ обвинялись въ склонности къ еретическому мышленію; однако, главнымъ мотивомъ об-виненія явилась ихъ приверженность идеѣ нестяжанія. Со-боръ 1531 г., судившій кн. Вассіана, поставилъ ему въ осо-

бую вину, составленную имъ новую редакцію Кормчей, книгу „супротивную св. Божественной Соборной церкви“. Вассіанъ по мнѣнію собора, „развратилъ на свой разумъ св. великую книгу правильную св. Апостоль и св. Отець“ и написалъ, что „во св. правилѣхъ *супротивное* Евангелію и Апостолу и св. отецъ жителству“, что правила писаны отъ діавола, „правила“ называлъ „кривилами“, а „чудотворцевъ“ „смутотворцами“, потому что они „у монастыря села имѣють и люди“, ему же было предъявлено обвиненіе, что онъ хулилъ богослужебныя книги, говоря, что онѣ всѣ „ляживые, а до Максима есмя по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили, а нынѣ есмя Бога познали Максимомъ и его ученіемъ“. По совокупности предъявленныхъ обвиненій, а главное за принадлежность къ партіи нестяжателей, Вассіанъ былъ обвиненъ и заточенъ, какъ раньше М. Грекъ, въ Волоколамскій монастырь, т. е. былъ выданъ своимъ противникамъ, гдѣ и умеръ до 1545 г. Мнѣніе о подложности книгъ, на которыя ссылались стяжатели, не мнѣніе только автора „Бесѣды“ и кн. Вассіана, а еще раньше такого же мнѣнія держался и Нилъ Сорскій: „писанія многа, говорилъ онъ, но не вся божественная“, и критицизмъ Нила проявился по отношенію къ отцамъ церкви въ томъ, что онъ „заподозривалъ существованіе между ихъ писаніями (и въ особенности между сказаніями о нихъ) существованіе писаній и сказаній подложныхъ, вымышленныхъ съ тенденціозною цѣлью защитить права монастырей на вотчиновладѣніе“ (От. о 25 прис. на гр. Уварова р. 33, рецен. Голубинскаго на изслѣдованіе Жмакина „Митрополитъ Даніиль); поэтому Нилъ Сорскій пришелъ къ убѣжденію, что писанія отцовъ, въ которыхъ признается вотчиновладѣніе и сказанія о нихъ, въ которыхъ они представляются вотчиновладѣтелями, суть писанія и сказанія подложныя, сочиненныя съ цѣлью защиты злоупотребленія, проникшаго вопреки св. отцамъ“ (ib. 34). Слѣд. мнѣніе о подложности источниковъ, которыми аргументировали свои тезисы стяжатели, было мнѣніемъ цѣлой школы. Въ полемиическихъ сочиненіяхъ Вассіанъ спрашиваетъ своихъ противниковъ: „*гдѣ въ евангельскихъ и апостольскихъ преданіяхъ вельно есть* иночьскому житію прензобиліе стяжаній, сирѣчь села многонародна стяжавати и поработати христіанъ, братію свою, и отъ сихъ неправедне сребро и злато

сбирати, подобнѣ въ мирѣ еще обращающіяся“, „аще же не произволите беззаконно доржимая излишняя житійская бремена отложить, поне не оправдаитеся съгрѣшающе и на святая писанія лжуще“, „что мы пострадати чаемъ, сицѣ явственнѣ всяческо апостольско и отеческо законоположеніе попирающе, и еже горшее се и на самая св. писанія лжуще, якоже многажды речеса нами“, „аще речеши яко единъ есть еже еретики и отступники оружіемъ убивати и молитвою смърти предавати сіе, Іосифе, и своими ученики, *облгуеши святая писанія*“. Въ полемическихъ сочиненіяхъ инокъ Вассіанъ ополчается на вотчинное землевладѣніе монастырей со всѣми вытекающими послѣдствіями, подчеркиваетъ мысль, неоднократно выдвигаемую и въ „Бесѣдѣ“, что монахи питаются „христіанскими кровми“, и „лихвами“. Вопросы политическаго характера, вопросъ о власти княжеской Вассіаномъ въ полемическихъ сочиненіяхъ не затрагивается. Правда, кв. Вассіанъ попалъ въ немилость и слѣдовательно не мало было у него основаній сѣтовать на власть; но онъ и взысканъ былъ вниманіемъ вел. князя, это вниманіе должно было быть особенно цѣннымъ, какъ для инока, такъ равно для всѣхъ его единомышленниковъ. Проходитъ время, настроеніе вел. князя мѣняется и инокъ Вассіанъ вмѣстѣ съ ближайшимъ другомъ М. Грекомъ выдаются головою противникамъ, теперь было отчего прійти въ негодованіе. Авторъ „Бесѣды“, вопросъ о монаст. землевладѣніи разсматриваетъ не изолированно, а указываетъ на тѣ нестроенія, которыя были имъ порождены; онъ сѣтуетъ на вел. кня., который привлекаетъ къ совѣту монаховъ, горячо убѣждаетъ отставить этихъ совѣтниковъ и дать мѣсто совѣтникамъ боярамъ и „прочимъ мірянамъ“.

Принимая во вниманіе съ одной стороны указаннаго выше данныя въ содержаніи „Бесѣды“ черты современности, явныя указанія на бывшіе въ исторіи борьбы за монастырское землевладѣніе факты, съ другой, событія изъ жизни и дѣятельности инока Вассіана, совпадающія съ указаніями „Бесѣды“, мы должны вернуться къ старому положенію и признать авторомъ „Бесѣды“ инока Вассіана Патрикѣва Косого. Написана „Бесѣда“ была послѣ 1531 г., т. е. послѣ осудившаго его собора, когда опальный бояринъ, инокъ поневоля, былъ выданъ врагамъ; онъ въ это время уже имѣлъ.

достаточно оснований быть недовольнымъ вел. кн., и даже невольно является предположеніе, не было ли удаленіе инокъ Васціана однимъ изъ проявленій самовластия Василия III? Что „Бесѣда“ была написана послѣ 1531 г. и не позже 1535 г. это подтверждается и другимъ, косвеннымъ соображеніемъ. Въ 1535 г. Глушицкому Вологодскому монастырю была адресована грамота: „Въ нашемъ государствѣ, пишетъ грамота, покупають къ монастырямъ у дѣтей боярскихъ вотчины многія, села и деревни, да и въ закладъ и въ закупъ монастыри вотчины емлютъ; а покупають деи вотчины дорого, а вотчинники деи которые тѣмъ землямъ вотчичи, съ опришными людьми перекупаются и мимо монастырей вотчинъ никому, ни у кого купити не мочно. А иные дѣти боярскіе вотчины свои въ монастыри подавали по душамъ для того, чтобы ихъ вотчины ближнему ихъ роду не достались“. Поэтому предписано было игумену монастыря Феодосію доставить дьяку Феодору Мишурину свѣдѣнія, сколько отъ кого и въ какомъ размѣрѣ указаннымъ образомъ перешло вотчинъ въ собственность монастыря за послѣдній годъ. „А впредь бы есте, писала грамота, безъ нашего вѣдома однолично вотчинъ не купили и въ закладъ и въ закупъ по душѣ не имали ни у кого. А учнете безъ нашего вѣдома вотчины купити или въ закладъ или въ закупъ или по душѣ имати и мнѣ у васъ тѣ вотчины велѣти отписывати на себя“. Это одна изъ раннихъ грамотъ, которая стремится регулировать монастырскую земельную спекуляцію и вмѣшивается въ монастырское землевладѣніе; между тѣмъ авторъ „Бесѣды“ говоритъ о такомъ времени, когда власть ничего не дѣлала для урегулированія вопроса, авторъ говоритъ о монастырскомъ землевладѣніи и всѣхъ его послѣдствіяхъ, какъ явленіяхъ даннаго, современнаго автору момента; слѣд. авторъ нашего памятника, человѣкъ освѣдомленный вообще въ вопросѣ монастырскаго землевладѣнія, знакомый съ язвами этого порядка не могъ, конечно, не знать о существующихъ ограниченіяхъ и о попыткахъ вмѣшательства въ сферу монастырскаго землевладѣнія; разъ же автору не извѣстны эти попытки, то это обстоятельство, косвенно, можетъ служить нѣкоторымъ показаніемъ времени написанія „Бесѣды“ и мы полагаемъ, что она была написана до 1535 г., т. е. между 1531 г. и 1535 г. Попытку отнести памятникъ къ эпохѣ послѣ 1530 г. ни въ

коемъ случаѣ нельзя признать правильной, ибо въ это время и самый вопросъ потерялъ свою остроту, и правительство вступило на болѣе рѣшительный путь (см. Рождественскій "Служилое землевладѣніе XVI в."). Павловъ, Дружининъ и Дьяконовъ, сравнивъ подлинныя произведенія инока Вассіана и „Бесѣду“ не признали Вассіана авторомъ „Бесѣды“. Но сопоставленіе текстовъ не можетъ считаться критеріемъ достаточно объективнымъ и точнымъ, нужно принимать во вниманіе настроеніе, подъ впечатлѣніемъ котораго — пишетъ авторъ и вопросъ, трактуемый авторомъ; если мы не упустимъ изъ виду этого, то при рѣшеніи вопроса о личности автора „Бесѣды“, должны указать, что писало лицо раздраженное, гнѣвно настроенное, слѣд. это не было то спокойное настроеніе, въ какомъ писались другія произведенія Вассіана. Указываютъ, что инокъ Вассіанъ высказывался о монастырскомъ землевладѣніи открыто, не скрывая своего имени, и то имя его было авторитетно. Конечно, это указаніе совершенно справедливо; но нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что когда кн. Вассіанъ полемизировалъ открыто по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, тогда онъ былъ въ милости, литературная полемика, быть можетъ, даже поощрялась свыше; но когда онъ палъ, когда онъ былъ выданъ врагамъ и былъ обвиненъ главнымъ образомъ за исповѣданіе опредѣленныхъ принциповъ, то въ такомъ состояніи выступать, подписываясь открыто, было слишкомъ опасно. Мы знаемъ, какому суровому режиму былъ подчиненъ М. Грекъ въ Волоколамскомъ монастырѣ; но все же не удалось заставить замолчать его, на соборѣ 1531 г., судившемъ кн. Вассіана. М. Греку было предъявлено новое обвиненіе, что онъ, Максимъ „покаянія и исправленія не показавше, и неповинна во всемъ себѣ глаголаше, и отреченная мудрствоваше. *И посланія писаша.*“ Кн. Вассіанъ, попавшій подъ условія суроваго режима, уже зналъ это обвиненіе, и разгнѣванный далъ просторъ своему чувству, скрывши однако, свое имя въ „Бесѣдѣ“. Не входя въ подробную критику всѣхъ мнѣній изслѣдователей, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не остановиться на одномъ фактѣ: въ „Бесѣдѣ“ нѣтъ выписокъ и ссылокъ на Св. Писаніе въ такомъ размѣрѣ, какъ въ полемическихъ сочиненіяхъ Вассіана, что, конечно, не можетъ быть доводомъ противъ авторства Вас-

сіана. Нельзя прежде всего, упускать изъ виду, что кн. Вассіанъ, инокъ по принужденію, во-вторыхъ, если въ полемическихъ сочиненіяхъ много ссылокъ и выписокъ изъ книгъ Св. Писанія, то онѣ были сдѣланы по необходимости, это были возраженія противникамъ, ихъ онѣ бьеть ихъ же оружіемъ: въ „Бесѣдѣ“, рассчитанной на вниманіе общества, Вассіанъ опустилъ научный аппаратъ ссылокъ и выписокъ и тѣмъ сдѣлалъ свое произведеніе доступнымъ общественному вниманію; однако, чтобы воздѣйствовать на настроеніе читателей, онѣ старается затронуть ихъ религіозныя чувства: кара Божіе, какъ возмездіе за нарушение основачалъ монастырскаго общежитія, со всѣми послѣдующими общественными и политическими настроеніями, основная нить „Бесѣды“. Еще одно замѣчаніе. Какъ не старательно скрылъ Вассіанъ свое авторство, но оно мѣстами прорывается въ мѣткихъ характерныхъ выраженіяхъ; Вассіана обвиняли въ томъ, что онѣ „чудотворцевъ“ называлъ, „смутотворцами“, „правила“—„кривилами“. Въ „Бесѣдѣ“ аналогичное выраженіе иноки не „богомольцы“, но „богоборцы“, или „царское ко инокомъ не милосердство, но душевредство“.

Итакъ, „Бесѣда“ важнѣйшій памятникъ XVI в., рассчитанный на общественный интересъ, вызванный борьбой по вопросу о допустимости монастырскаго землевладѣнія. Авторъ памятника смотритъ на монастырское землевладѣніе подъ широкимъ угломъ зрѣнія, стараясь поставить въ связь съ монастыр. землевладѣніемъ различныя уклоненія отъ общественнаго и политическаго правопорядка. Выясняя всѣ эти данныя „Бесѣды“ и сопоставляя съ ними событія жизни опальнаго инока кн. Вассіана, признаемъ въ Вассіанѣ автора „Бесѣды“, написанной послѣ суда 1531 г., чѣмъ и объясняется тонъ и общее гнѣвное настроеніе автора.

С. Аваліани.